

7. Ивлева И. А. Методолого-теоретические основы оценочно-критериальной системы профессиональной многоуровневой подготовки: Дис. ... д-ра пед. наук. – СПб., 1998. – 450 с.

8. Инновации в трудовой и профессиональной подготовке молодежи России и Германии (опыт и тенденции развития). Ч. I / Под ред. проф. Н. Н. Нечаева М.: Исслед. центр проблем непрерывного профессионального образования РАО, 1997. – 100 с.

9. Новиков А. М. Принципы построения системы непрерывного профессионального образования // Педагогика. – 1998. – № 3. – С. 11–17.

10. Новиков А. М. Развитие отечественного образования: Полемиические размышления. – М.: Эгвес, 2005. – 255 с.

11. Образование, которое мы можем потерять: Сб. ст./ Под общ. ред. В. А. Садовниченко. – М.: Изд-во МГУ, 2002. – 288 с.

12. Поляков В. А., Чистякова С. Н. Профессиональное самоопределение молодежи // Педагогика. – 1993. – № 5. – С. 33–37.

13. Пурышева Н. С. Дифференцированное обучение физике в средней школе. – М.: Прометей, 1993. – 161 с.

14. Сборник нормативных документов. Физика / Сост. Э. Д. Днепров, А. Г. Аркадьев. – М.: Дрофа, 2004. – 111 с.

15. Семенов Ю. П., Черняева Н. П. Межшкольный производственный комбинат в системе дополнительного образования. – СПб.: ИОВ РАО, 2002. – 54 с.

16. Унт И. Э. Индивидуализация и дифференциация обучения. – М.: Педагогика, 1990. – 192 с.

17. Шленов Ю. В. О концепции непрерывного образования // Бизнес-образование в системе непрерывного образования: Материалы науч.-практ. конф. / Под ред. В. А. Мау, Е. А. Карлухиной, Т. А. Клячко. – СПб.: Питер, 2005. – С. 10–29.

УДК 330.11
ББК ОУ 11

РАЦИОНАЛИЗМ И ДУХОВНОСТЬ СОВРЕМЕННОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОЗНАНИЯ

Т. С. Орлова

Ключевые слова: экономическое образование; мотивация хозяйства; теория рациональных ожиданий; рационализм; прагматизм; хозяйственная эффективность; корпоративные ценности; бизнес-этика; нравственная экономика.

Аннотация: В статье рассматривается мотивационная структура современной хозяйственной деятельности путем сравнения теории рациональных ожиданий и концепции духовно-нравственных основ экономики.

Перед российским обществом стоит серьезная задача: выработка в содержании и структуре экономического сознания собственных ценностных координат, смыслов и установок, способствующих формированию социально ответственного хозяйствующего субъекта.

Экономика по самой своей сути и назначению антропологична. Но ее разворот лицом к человеку растянулся во времени на многие века, приобрел противоречивый и драматический характер. Так, история богатства и огромных состояний ничтожного числа людей писалась кровью и вероломством, путем попрания жизненных интересов большинства. И причины тому надо искать не столько в экономике, сколько в самом человеке. Именно по его «образу и подобию» выстраивалось хозяйство, производство и труд, распределение, обмен и потребление, «отливались» институциональные формы собственности, экономического права, инструменты финансовой, кредитной и денежной политики.

В хозяйственно-экономическом и социальном опыте прошлого безраздельно господствовала установка исключительно на полезность, выгодность, прибыль и богатство. «Хозяйство стимулируется стремлением к богатству и преодолению бедности», – констатирует С. Н. Булгаков [1, с. 215]. И сущность хозяйственного процесса почти непроницаемо занавешивается этим всеобщим соревнованием, конкуренцией, раздробляющей единый и целостный процесс на отдельные дробные единицы. Но именно на этот факт – богатство (и соответственно бедность) как личное достояние (состояние), социально обусловленное, и ориентируется политическая экономия. Центром экономической теории продолжает оставаться богатство, национальный доход в совокупности прежде всего материальных благ и услуг. Если обратиться к истории экономической мысли, то проблема богатства рельефно и буквально фигурировала в названии самих трудов классиков [6]. Идеей и смыслом богатства вдохновлялись в массе своей и субъекты хозяйствования в рыночной экономике.

По признанию Дж. Сороса, «рыночная экономика врожденно аморальна». Принцип стоимости, выгоды и прибыли, реализуемый в своих абсолютных значениях самодостаточности, приобретает зловещий смысл. И он должен быть критически осмыслен и преодолен, в том числе с позиций самой экономической науки.

В структурном и функциональном взаимодействии основных ресурсов (факторов) хозяйствования происходит не только их переоценка, но и перестановка, новое сочетание по их месту, роли и значимости в целостной системе общественного производства. Решающим фактором в постиндустриальном развитии становится сам человек. Особенно актуальным представляется философский анализ человека с позиций выявления сущности, целостности, смысла, а также соотношения целей хозяйствующих индивидов и целей экономической системы, в которой разворачивается эта деятельность. По справед-

ливому утверждению Ф. Хайека, прежде чем отвечать на вопрос, какие силы движут экономикой, следует разобраться в том, какие силы движут самим человеком. И главное, что есть сам человек? Внимание к мотивационной структуре хозяйственной деятельности людей выступает важнейшим социальным и психологическим фактором развития экономики.

Суть философского подхода к человеку заключается в стремлении охватить реальное человеческое существование во всей его полноте, целостности и взаимосвязи, ценностно-целевом и смысловом аспектах его места и отношения к окружающему природному и социальному миру. Целостный, системный и комплексный подход к человеку, интегрирующий многообразие его жизнедеятельности, позволяет нам приоткрыть сущностный лик человека как субъекта хозяйствования.

Безусловно, хозяйствующая личность не может не рационализировать свое мышление и свое поведение. Она видит в этом наиболее эффективный способ достижения поставленных целей. С другой стороны, человек отнюдь не всегда правильно формулирует эти цели, не всегда адекватно соотносит их с объективными условиями и не всегда объективно верно определяет задачи.

На экономическую политику и экономическое образование во многих развитых странах серьезно повлияла теория рациональных ожиданий.

Во-первых, она оказалась способной заполнить пробел, образовавшийся в результате того, что кейнсианство якобы не в силах было объяснить и поправить с помощью политики положение, при котором инфляция и безработица существовали одновременно.

Во-вторых, теория рациональных ожиданий твердо опиралась на теорию рынков и особое внимание уделяла хозяйственному поведению людей. Тем самым благодаря ей в экономический анализ стали включаться достижения психологии, а сама экономика превратилась в «поведенческую» науку.

В-третьих, эта теория учитывает возросший уровень экономической осведомленности всех участников рыночных отношений. Сторонники теории рациональных ожиданий отмечают, что ключевые институты, принимающие решения, – крупные корпорации, главные финансовые учреждения и профсоюзные организации, – нанимают в штат экономистов, которые помогают предсказывать результаты новой государственной политики.

В-четвертых, стагфляцию, устойчивое сочетание высокого уровня инфляции и безработицы, сторонники теории рациональных ожиданий также связывают с фактически имеющими место недостатками в передаче и обработке информации: функционирование каналов передачи информации на практике далеко от совершенства, неодинаков доступ к имеющейся информации у отдельных экономических агентов [4].

Отсюда следовал вывод о том, что для экономики необходимы кадры специалистов, которые могли бы осуществлять эффективный поиск и обработку новой информации на основе прагматизма, расчета и рационализма.

Краеугольным принципом теории рациональных ожиданий является утверждение о том, что «потребитель сам знает, что ему нужно, и что экономическая система действует лучше всего тогда, когда удовлетворяет желаниям потребителя, которые проявляются в его поведении на рынке» [5, с. 370]. Тезис о том, что «потребитель всегда прав», давно знаком и россиянам. Проблема, однако, заключается в ином, а всегда ли потребитель знает, чего он хочет, и всегда ли его поведение в качестве хозяйствующего субъекта будет эффективным?

Государственное регулирование в сфере образования также преследует, казалось бы, сугубо рациональные цели и задачи. Государство рассматривает образование как «процесс воспитания и обучения в интересах человека, общества, государства, ориентированный на сохранение и передачу знаний новым поколениям в целях обеспечения устойчивого социально-экономического развития, постоянного совершенствования нравственного, интеллектуального, эстетического и физического состояния личности и общества» [3, с. 173].

Одним из признаков неверной системы ценностных координат в сфере профессионального (и прежде всего экономического) образования является абсолютизация принципов рационализма, прагматизма, гедонизма, выхолащивание из образовательного процесса подлинно духовного, гуманистического начала, пустое декларирование в теории и несоблюдение на практике нравственного совершенствования.

В конце XX – начале XXI в. все мы стали свидетелями несостоятельности рационализированного экономического образования, да и самих макроэкономических теорий, основанных на принципе рациональных ожиданий. Возможно, это было вызвано тем, что люди небезосновательно отказывались верить обещаниям правительства. Но главной причиной стало то, что голый рационализм и гедонизм привел к ситуации, когда в сфере экономического образования стал формироваться не просто специалист-прагматик, а часто просто циничный эгоист, которому внушили в качестве главной установки задачу «минимизировать издержки и максимизировать прибыль». Окончательно репутацию многих апологетов общей концепции рационализма разрушили происшедший в 1987 г. крах фондовой биржи, российский дефолт 1998 г. и другие глубокие потрясения, которые произошли, как казалось, без каких-либо явных причин. Это послужило началом того, что в экономическую науку и сферу экономического образования стали потихоньку допускаться идеи, учитывающие реальную возможность нерационального поведения. Сегодня многие экономисты, занимающиеся осмыслением тенденций в развитии экономического образования, используют последние достижения экспериментальной психологии, подвергая при этом жесткой критике саму идею рациональных поведений как отдельного человека, так и целого сообщества.

Отказ от гипертрофирования и абсолютизации теории рациональных ожиданий, а шире – от голого рационализирования в сфере экономического образования, давно осуществлен в США, Японии, странах Евросоюза.

Это позволило существенно усовершенствовать экономическую культуру в обществе, сформировать эффективные корпоративные ценности, бизнес-этику, кодекс конкурентных отношений, развить добросовестную конкуренцию. Так, в Японии уже в сфере экономической подготовки будущих специалистов закладываются основы именно межличностных взаимоотношений (принцип «йэ»), формируется демократичная манера принятия управленческих решений (принцип «ринги сэдзо»). Важным принципом профессионального образования руководителя и исполнителя является принцип «сэйсин» – принцип постоянного самосовершенствования и самообразования. Смысл применения этих и ряда других принципов состоит в том, чтобы наряду с рационализмом использовать для достижения успеха и другие ресурсы, а сам успех трактуется не как максимальная прибыль, а как взаимная выгода, общественная полезность. Кстати, в Европе также давно отказались от установки на максимальную прибыль и минимизацию затрат. Так, в 1973 г. на III Европейском симпозиуме менеджеров в Давосе (Швейцария) был принят Манифест, в котором на место экономического принципа максимизации прибыли был поставлен принцип социальной ответственности корпораций перед обществом [8, с. 171–172]. К сожалению, наше экономическое образование в начале XXI в. лишь воспроизводит зарубежные модели образования середины 60-х гг. XX в. Если это называется «модернизацией» современного экономического образования в России, то с такой «модернизацией» вряд ли следует соглашаться. «Напрашивается вывод, что система профессионального образования в определенном смысле работает вхолостую, поскольку для экономики в ее нынешнем состоянии подготовленные специалисты не нужны» [2, с. 96]. Но «холостые обороты» современной российской системы образования в целом, а экономического в частности, нельзя связывать только с нынешним состоянием экономики. Необходимо понимать и то, что качество выпускников большинства российских экономических вузов и факультетов само по себе достаточно низкое. Об этом свидетельствует то обстоятельство, что дипломы абсолютного большинства российских вузов по экономическим специальностям на Западе не конвертируются. Подписывая Болонскую конвенцию в сфере образования, делая современное образование, в том числе и экономическое, более открытым и интегрированным, следует помнить, что глобализация образования может привести как к положительным, так и отрицательным последствиям. Об этом, в частности, свидетельствует формирование экономического сознания, в структуре которого наблюдаются существенные метаморфозы [7, с. 317–391].

Отказываясь от приоритетов рационализирования, прагматизма и гедонизма в пользу духовности, гуманитаризации и гуманизации современного профессионального (в том числе и экономического) образования, мы должны отдавать себе отчет в том, что это тоже модернизация, но не со знаком «минус», а со знаком «плюс». Такая модернизация нацелена не на слепое копиро-

вание, воспроизведение чужого (порой чуждого нам) образовательного опыта в российских условиях, а на формирование прежде всего нравственного специалиста и нравственной экономики.

«Высшей», крайней формой «голового» рационализирования экономического сознания, «конечным» продуктом этого процесса является полная утрата креативности (творческого потенциала).

Не хлебом единым жив человек. Экономика, производство должны направляться, регулироваться высшими, сверхэкономическими мотивами, ценностями, целями и идеалами. Но именно через хозяйствование, производство, труд, через конкретный, специальный вид профессиональной деятельности человека должны проходить силовые линии его духовного напряжения.

При таком понимании хозяйствования оно предстает как явление духовной жизни, как и все другие сферы приложения человеческой деятельности. Дух хозяйства – это не фантом и не вымысел, это – реальность. Духовная достоверность открывает глаза на сущность хозяйственной жизни, на основные способы и основополагающие акты хозяйственной жизни: производство и труд, богатство и достаток, собственность и распределение, организацию и управление, цели и средства хозяйствования.

Так, к примеру, рассматривая собственность, ее нельзя сводить только к области хозяйственных отношений. Собственность более принадлежит к сфере права, нравственности, психологии и социальных отношений. С не меньшим основанием такое суждение должно быть отнесено и к финансам. Финансы – это не просто деньги, а прежде всего – отношения по распределению и потреблению богатства.

Односторонняя модель «экономического человека», которая насильственно утверждается в хозяйственном бытии России, является тупиковой. Подобный вывод был сделан выдающимся русским философом и экономистом С. Н. Булгаковым незадолго до социалистической революции в России, в 1916 г., в его «Истории экономической мысли». Эпоху Возрождения с ее антропоцентристской направленностью Булгаков считал «духовной колыбелью *Нотоэкономіку*». Гуманизм, беспредельный эгоизм, гедонизм, сенсуализм, индивидуализм, рационализм и экономический материализм взрастили современного экономического человека. И многие нынешние хозяйствующие субъекты – предприниматели – воплощают в себе тот же угарный дух корысти, наживы, выгоды и богатства.

Если человек выбирает и обосновывает эгоистическую цель обеспечения своего личного благополучия любой ценой, за счет неограниченного потребления невозобновляемых природных ресурсов и биологических структур, путем ущемления жизненных интересов других людей – такая цель лишена не только нравственных, но и рациональных экономических оснований. Такая цель является опасной и губительной и в социальном плане. Социально-экономичес-

кое развитие не только в своей данности, в процессе развития, но и в своих возможностях определяется духовно-нравственным миропорядком хозяйства.

Произошло чудовищное искажение мотивов экономической деятельности и ценностей самого труда. Они все более переключаются не на создание полезных благ, а на извлечение прибыли. Рентные, статусные, спекулятивные, теневые доходы уродуют экономику, разворачивают ее в сторону от реального и производительного сектора. Созидательный труд с достойной оплатой подменяется на участие, как правило преступное, в перераспределении и переделе собственности, доходов, власти. Недопустимо высокой степени достигла имущественная дифференциация, рассогласование экономических и социальных интересов общества, государства в целом и подавляющего большинства хозяйствующих субъектов.

Стремительно радикальную псевдолиберализацию и «рыноконизацию» независимо от устремлений наших «младореформаторов» следует квалифицировать по названию работы крупного идеолога современного либерализма Ф. Хайека как «пагубную самонадеянность». По его известному признанию, «вести счет в рыночных ценностях – значит вести счет в человеческих жизнях».

Определяющим условием понимания богатства является постижение сущности самого человека, взятого в единстве и целостности всех его составляющих, от природно-биологических до социокультурных и духовно-нравственных компонентов личности. Именно масштабом личности, иерархией ее потребностей, интересов и запросов, широтой и глубиной внутреннего духовного мира, мерой творческих способностей и созидательной активности следует оценивать уровень и сущность подлинного богатства.

Хозяйствующая личность не может не рационализировать свое мышление и свое поведение. Она видит в этом наиболее эффективный способ достижения поставленных целей. Другое дело, что человек не всегда правильно формулирует эти цели, не всегда адекватно соотносит их с объективными условиями и не всегда объективно верно определяет задачи. Хорошо, когда рационализм или утилитарность сочетаются с духовностью и любовью, но скверно, когда они подменяют духовность и любовь. Когда за формой нет равным счетом никакого содержания, голый рационализм вырождается в обскурантизм, пустой модернизм. Такой феноменологический декаденс не способен раскрыть и актуализировать креативный потенциал сознания человека. Рационализм, поставленный в условия духотворения, предполагает, что сознание есть система, опосредованная законами логики. Логически полезные, выгодные, а следовательно, и социально-правильные, оптимизированные идеи, цели и задачи, а также средства их достижения определяются в структуре и содержании экономического сознания хозяйствующей личности в силу ее нацеленности, направленности, предрасположенности к их поиску. Рационализм есть одно из общих, генеральных условий актуализации креативности. Это условие

целиком и полностью социокультурно по своей природе, поскольку определяется именно социальными и культурными характеристиками каждого конкретного общества. Но необходимы и конкретные условия для подлинно эффективной актуализации креативности, без которой она не осуществляется. Такими условиями являются *любящее сердце* (И. А. Ильин), *добрая совесть* (П. Б. Струве), *стремление жить не по лжи* (Л. Н. Толстой). Эти духовно-нравственные основания целостной человеческой личности позволяют не гипертрофировать рационализм, а использовать его творчески, созидательно, конструктивно и объективно в интересах всех и каждого («жить со всеми и для всех» – Н. Федоров).

Литература

1. Булгаков С. Н. *Философия хозяйства*. – М.: Наука, 1990.
2. *Модернизация российского образования: ресурсный потенциал и подготовка кадров* / Под ред. Т. А. Клячко. – М.: ГУВШЭ, 2002.
3. *Правовые проблемы модернизации образования* / Отв. ред. А. И. Родков. – М.: ГУВШЭ, 2002.
4. Сарджент Т. *Теория рациональных ожиданий* / Пер. с англ. – М.: Экономика, 2002.
5. Скитовски Т. *Суверенитет и рациональность потребителя* // *Вехи экономической мысли: В 3 т. Т. 1. Теория потребительского поведения и спроса* / Под ред. В. М. Гальперина. – СПб.: Экон. школа, 2000.
6. Смит А. *Исследование о природе и причинах богатства народов*. – М., 1962.
7. Стожко К. П. *Экономическое образование*. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2002.
8. *Экономика предприятия: Учебник для вузов* / Под ред. Ф. К. Беа, Э. Дихтла, М. Швайтцера; Пер. с нем. – М.: Инфра-М, 1999.